

IN MEMORIAN

Ю.Ю. Карпов

Л.И. ЛАВРОВ КАК УЧЕНЫЙ-ГРАЖДАНИН. К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

4 мая 2009 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося кавказоведа Леонида Ивановича Лаврова.

Л.И. Лавров вошел в историю науки как автор фундаментальных работ по этнической и социальной истории народов Северного Кавказа, истории хозяйственной деятельности, материальной культуры, религиозных верований и практик населения региона с древних времен до XX в. Огромной заслугой Леонида Ивановича является создание свода эпиграфических памятников Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках X–XX столетий (в трех томах), сопровождаемых обстоятельными комментариями и научным анализом (Лавров 1966; 1968; 1980).

Не буду излагать факты биографии ученого, научные концепции, которые он отстаивал, часто в оживленной полемике с коллегами. Это слишком обширная тема для доклада (в основном данные сюжеты изложены мною в специальной статье. См.: Карпов в печати). В настоящем случае я хочу познакомить с мало- или недостаточно известными фактами биографии ученого, когда отчетливо проявилась его гражданская позиция. Обсуждение научных вопросов требует не только объективного подхода в оценках, но, бывает, что и известных качеств Личности.

Сюжет первый. В ноябре 1956 г. Л.И. Лавров принял участие в совещании, посвященном вопросу о характере социально-политического движения горских народов Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. (конкретно речь шла о причинах и характере Кавказской войны), которое проходило в Москве в Институте истории АН СССР. Это было время после XX съезда КПСС, когда многие ранее казавшиеся незыблемыми идеологические постулаты пересматривались, но вовсе не рушились. В полной мере это коснулось и вопросов истории Кавказа, в которой еще сов-

сем недавно Шамиль назывался «ставленником султанской Турции и английских колонизаторов» (см.: Шамиль 1958). В архиве МАЭ РАН хранится фрагмент одного из заседаний этого совещания со стенограммой выступления Л.И. Лаврова. В нем он затронул тему социально-политического развития населения горных районов Кавказа (в первую очередь Дагестана), обосновывая свой же вывод о том, что даже в так называемых вольных обществах (союзах общин) имели место феодальные отношения (на разных фазах их развития). И потом относительно самого общественно-политического движения горцев: «Что касается характера движения горцев первой половины XIX века, то мы уже, кажется, приходим к согласованному мнению, что это движение по своему содержанию было сложным. Что оно было и антиколониальным, и антифеодальным, и в то же время его трудно отделить от мюридизма, привнесенного духовенством в качестве религиозной идеологии. Это движение пытались использовать в своих интересах иностранные державы. Но, по-моему, мы приходим к согласованному мнению, что это движение не было инспирировано ни Турцией, ни Англией и что вожди этого движения не были агентами турецкими или английскими <...>

Я не хочу спорить с профессором Фадеевым, так как считаю, что в его докладе было много правильного. Но хочу остановиться только на одном его маленьком примере, который показался мне недостаточно убедительным. Профессор Фадеев привел документ, в котором Шамиль называет себя подданным турецкого султана. Я не очень убежден в правильности перевода с арабского этого документа. В самом ли деле здесь речь идет о политическом подданстве, а не об обычном признании не светской власти султана, а обязательной для суннита того времени духовной власти халифа <...>

Была ли прогрессивной борьба горцев первой половины XIX века? Признаюсь, я не являюсь сторонником рассматривать историю как политику, опрокинутую в прошлое. Кто-то из выступавших говорил, что ошибки, сделанные за последние годы в области изучения движения горцев, проистекают от того, что авторы неглубоко изучали факты. Кажется, это сказал Расул Магомедович (очевидно, Р.М. Магомедов. — Ю.К.)?

Мне кажется, что это не так! Эти ошибки произошли от взгляда на историю как на политику, опрокинутую в прошлое. Профессор Бушугев призывал совещание решить научный спор о мюридизме так, чтобы это решение было в интересах социализма. Мне кажется, что в интересах социализма нужно решить так, чтобы никто не смог показать на нас пальцем: смотрите, как советские ученые за волосы притягивают факты, не считаясь с действительностью. В интересах социализма — не делать из истории политику, опрокинутую в прошлое... (Голоса: правильно!), а относиться к ней как к науке, излагающей объективную истину.

В борьбе горцев первой половины XIX века были разные стороны: одни из них мы можем считать прогрессивными, другие, бесспорно, реакционными. Но если все же брать главное в этой борьбе, а главным я считаю народную борьбу за независимость и антифеодальную борьбу, то это главное, безусловно, вызывает симпатии у всякого советского человека, и мы преклоняемся перед подвигом борцов за свободу Дагестана, Чечни и Черкесии, как преклоняемся перед подвигом любых борцов за свободу всех времен и народов <...>

Правы те, кто подчеркивал роль народных масс в этом движении. Вожди вождями, а историю творят все-таки народные массы. Мы спорить против этого не можем, так как мы тоже являемся сторонниками этого взгляда. Но из-за этого не надо впадать в другую крайность и зачеркнуть или хотя бы принизить большую роль Шамиля в этом движении. Роль его была большой и уже сам факт, что через сто лет после Шамиля, съехавшись из разных концов Союза, мы все время произносим его имя на этом совещании, говорит сам за себя.

Нельзя забывать, что именно Шамиль в трудных условиях возглавлял антиколониальную борьбу до самого драматического дня на горе Гуниб и антифеодальную борьбу в первый период своего правления.

Его личное мужество, ясный ум, организаторский и военный таланты также являются бесспорными.

Кроме положительных сторон у Шамиля было много таких, которые не могут нам импонировать <...> Задача историка — трезвая оценка этого исторического деятеля без принижения и идеализации, не следует приписывать Шамилю грехов, в которых он не грешен. В частности, вчера г. Кумыков утверждал, что вторжение Шамиля в Кабарду ставило целью закабаление последней. Никаких данных на этот счет нет. Шамиль вторгся в Кабарду для того, чтобы соединиться с теми ополченцами на Западном Кавказе, которые шли к нему навстречу.

Мне представляется, что это совещание очень полезно для историков Кавказа, и не только Кавказа. Институт истории сделал правильно, созвав такое совещание. Желательно, чтобы историки Кавказа встречались чаще и по другим наболевшим вопросам на аналогичных совещаниях. (Аплодисменты)» (Архив МАЭ РАН. Ф. 25. Оп. 1. № 38).

Сюжет второй. В 1979 г. Л.И. Лавров, а также историк Елена Николаевна Кушева каждый самостоятельно написали заключения по поводу «Справки-обоснования празднования 200-летия юбилея вхождения Чечено-Ингушетии в состав России».

Последняя была составлена историками В.Б. Виноградовым и С.Ц. Умаровым. В «Обосновании» говорилось, что в отличие от большинства народов Кавказа, для которых установлены даты их вхождения в состав России, применительно к Чечено-Ингушетии существует пестрота взглядов (дат). По мнению авторов «Обоснования», «слабая мотивировка длительного пути добровольного и мирного вхождения

чеченцев и ингушей в состав России объективно привела к огульному противопоставлению Чечено-Ингушетии соседним областям и народам Кавказа, искусственному изолированию чеченцев и ингушей от единой общекавказской прогрессивной тенденции». Далее они писали, что «активизация историковедческих и исследовательских усилий» создала «необходимые условия для преодоления этой ситуации», и настаивали на том, что 1781 г. следует считать вехой завершения процесса добровольного вхождения большинства населения Чечено-Ингушетии в состав России.

Доктор исторических наук Е.Н. Кушева, автор солидных и авторитетных исследований по истории Северного Кавказа, категорически не соглашалась с определением некой даты «добровольного» вхождения чеченцев в состав России. «Считаю, — писала она, — что 1781-й год не подходит для установления юбилейной даты, и не могу предложить другую. Включение же Чечено-Ингушетии в административную систему России было результатом Кавказской войны, которая была неизбежна — Закавказье вошло в состав России».

Л.И. Лавров в своем отзыве (февраль 1979 г.) на то же «Обоснование» также заострял внимание на необоснованности выбора «юбилейной» даты. «Присяги царскому правительству, принесенные депутатами от отдельных чечено-ингушских обществ в XVIII в., остались известными только по краткому упоминанию их в печати. Розыски этих документов в архивах и последующая их публикация должны предшествовать ответственному решению о праздновании даты присоединения Чечено-Ингушетии к России. Пока это не сделано, остаются неясными и подходящая дата этого события, и условия, лежавшие в основе присяг. Ведь мы пока знаем лишь, что в XVIII в. не все общества Чечено-Ингушетии приносили помянутые присяги и что присяги эти не приводили к фактическому вхождению края в состав Российской империи». Далее он отмечал, что в дореволюционной науке, а равно и в правительственных кругах речь всегда шла и вопрос ставился о покорении горцев Кавказа.

И также обращал внимание на другие методологические ошибки авторов «Обоснования». «Я далек от обвинения авторов “Справки-обоснования” в немарксистском подходе к историческим фактам. Очевидно, лишь по условиям полемики они не отметили диалектику русско-чечено-ингушских отношений в прошлом и упустили из виду классовую подоснову этих отношений. В результате получилось, что “Справка-обоснование” дает повод думать, будто все социальные слои Чечни и Ингушетии, забыв о классовых противоречиях, единодушно жаждали стать царскими верноподданными, чтобы взвалить на свои плечи бремя колониального гнета.

Намеченное празднование юбилея в свете сказанного представляется исторически неоправданным, а практически таящим в себе и нежелательные последствия, так как может вызвать у определенной части

чеченцев и ингушей реакцию, обратную той, на которую рассчитывают составители “Справки-обоснования”¹.

Вместо юбилейных торжеств следует приветствовать полезную инициативу Института истории СССР АН СССР, решившего созвать конференцию по вопросу о прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Это как раз то, что действительно нужно! В рамках той проблемы историки могут показать многовековые обоюдополезные связи горцев с русским народом, плодотворное влияние на горцев русской культуры и, несмотря на отдельные отрицательные последствия присоединения их к России (карательные экспедиции царских войск, дореволюционная экспроприация земель, выселение части горцев в Турцию в XIX в., несправедливость, допущенная Берией в отношении некоторых горских народов), бесспорное преобладание в этом событии большого прогрессивного начала» (Архив МАЭ РАН. Ф. 25. Оп. 1. № 69. Л. 1, 2, 7, 12, 13; опубликовано — Крикунов 1990; Цихоцкая, Черноус 1990)².

Однако возражения Л.И. Лаврова и Е.Н. Кушевой остались без внимания, равно как и возражения ученого из Ростова-на-Дону А.П. Пронштейна, который являлся председателем отделения гуманитарных наук Северо-Кавказского научного центра высшей школы, а также заместителем ответственного редактора I тома «Истории народов Северного Кавказа», в одной из глав которого русско-вайнахские отношения освещались в созвучной «Справке-обоснованию» редакции. Специально созданная в Институте истории СССР комиссия одобрила выводы упомянутой «Справки». В этих условиях Лавров и Пронштейн обменялись несколькими письмами.

Письмо Л.И. Лаврова А.П. Пронштейну от 13 октября 1979 г.

«Глубокоуважаемый Александр Павлович!

По возвращении из отпуска получил Ваше любезное предложение откликнуться на новую точку зрения о характере присоединения Чечено-Ингушетии к России. Еще в начале текущего года Институт истории СССР прислал мне Справку-обоснование <...> Я тогда же выслал на имя акад. А.Л. Нарочницкого обстоятельные возражения против этого документа, но не получил на них ответа. Более того, мне известно, что и потом никто из сторонников идеи “добровольного вхождения” не останавливался на моих аргументах, не подвергал их критике и тем самым они остались неопровергнутыми.

Охотно выскажусь еще раз по затронутому вопросу, но лишь при условии, если на этот раз написанное мною попадет в печать, а не в корзину с мусором. На этот счет буду признателен за Ваш ответ...»

В начале ноября того же года А.П. Пронштейн писал Лаврову.

«Глубокоуважаемый Леонид Иванович!

<...> Ваши соображения и позиция по вопросу о присоединении Чечено-Ингушетии к России чрезвычайно важны. С большим вниманием

отнесся к ним Юрий Андреевич Жданов (ректор Ростовского государственного университета. — Ю.К.).

Но в связи с тем, что принято решение об издании материалов Всероссийской научной конференции “Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа” (Грозный, октябрь 1979 г.), в т.ч. коллективного доклада секретаря Ч.-И. ОК КПСС М.О. Бузуртанова, профессоров М.М. Блиева, В.Б. Виноградова и В.Г. Гаджиева (Великий Октябрь 1982), “Известия СКНЦ ВШ” в настоящее время не будут публиковать какие-либо материалы, посвященные этой теме.

Но мы были бы рады поместить Вашу статью на любую избранную Вами тему по истории или этнографии Северного Кавказа...» (Архив МАЭ РАН. Ф. 25. Оп. 1. № 216. Л. 1).

Ответ Л.И. Лаврова А.П. Пронштейну от 19 ноября 1979 г.

«Глубокоуважаемый Александр Павлович!

Спасибо за Ваше хорошее письмо! Из него я заключил, что Вы не порицаете меня за мою чечено-ингушскую позицию. Значит, не все ученые путают науку с хлебом!

С большой признательностью воспользуюсь Вашим предложением прислать статью (на нейтральную тему!) для “Изв. СКНЦ ВШ”, но сделаю это лишь позже³, так как ложусь на операцию глаза.

Желаю Вам всего самого наилучшего!

С глубоким уважением,

Ваш Л.И. Лавров» (Цихоцкая, Черноус 1990: 70–71).

Здесь же замечу, что с проф. В.Б. Виноградовым, одним из авторов концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, Л.И. Лавров состоял в творческой научной переписке. Они обменивались информацией (Виноградов, в частности, присылал Леониду Ивановичу эпиграфические материалы). В одном из писем (от 9 марта 1981 г.) В.Б. Винограду Л.И. Лавров высказал адресату и свое отношение по поводу упомянутой «концепции».

«Дорогой Виталий Борисович!

Спасибо за присланную литературу! Коллективная статья с Вашим участием, снова о якобы “завершенном” в 1781 г. этапе “добровольного” вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, восторгов у меня, естественно, не вызвала. Слишком много напрашивается возражений! Нужна была бы свободная дискуссия на эту тему, но политический оттенок, зачем-то ей приданный, заткнул многим рот. В Москве многие меня уверяли, что целиком разделяют мою позицию, но по своему положению вынуждены молчать. Сами понимаете, что так науку делать нельзя!

Оставим этот вопрос и поговорим о более приятном. Ваша статья “Генезис феодализма...” мне понравилась. В ней Вы показали себя

серьезным и тонким исследователем. Ваши заключения содержат новые убедительные мысли. Искренне поздравляю! Замечания у меня есть только мелкие. Вот они...» (Архив МАЭ РАН. Ф. 25. Оп. 1. № 181. Л. 4).

Заслуживающая глубокого уважения позиция ученого-гражданина, которую Леонид Иванович проявлял не единожды...

¹ Так и получилось — идеологический прессинг общественности Чечено-Ингушетии, который в эти годы организовала партийно-правительственная номенклатура совместно с рядом приближенных к ней ученых, вызвала откровенно негативную реакцию в местном обществе.

² Конференция, о которой говорил Л.И. Лавров, действительно состоялась, правда, в Грозном, под оком республиканского Обкома КПСС, так что результаты ее работы и озвученные выводы оказались соответствующими.

³ Таковой стала статья: (Лавров 1983).

Библиография

Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX в.): Материалы Всерос. науч. конф. 2–3 октября 1979 г., г. Грозный. Грозный, 1982.

Карнов Ю.Ю. Леонид Иванович Лавров — ученый и гражданин // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственности и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010.

Крикунов В.П. Затерянная записка // Вопросы истории. 1990. № 5.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, турецком и персидском языках. М., 1966. Ч. 1. Надписи X–XVII вв.; М. 1968. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв.; М., 1980. Ч. 3. Надписи X–XX вв. Новые находки.

Лавров Л.И. Назревшие вопросы изучения топонимики Северного Кавказа // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высшей школы. Обществ. науки. 1983. № 1.

Цихоцкая Н.И., Черноус В.В. Как это было... (Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России) // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высшей школы. Обществ. науки. 1990. № 2.

Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. док. материалов / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1958.